

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8169-2755

E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Киргизы на Южном Урале: между локальными группами и принимающим сообществом*

АННОТАЦИЯ. Среднеазиатская миграция формирует заметные для принимающей стороны трансграничные и локальные сообщества мигрантов. Несмотря на то что основной район концентрации киргизских мигрантов оформился в Москве, на Урале и в Сибири существует немало их сообществ. Однако данных о них пока мало. На примере Южного Урала рассматриваются время и обстоятельства миграции киргизов, основные сферы их занятости, участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях. Источниковую базу составили материалы интервью, включенного наблюдения и данные статистики о международной миграции и национальном составе населения. Опора на концепцию транснационализма позволяет увидеть, как локальное сообщество встроено в сети трансграничной мобильности, которые связывают обширные пространства, вовлеченные в среднеазиатскую миграцию. На нескольких примерах мигрантских биографий демонстрируются особенности перемещений на Южный Урал из Киргизии. Исследование показало, что социальные связи киргизов в Челябинске устроены следующим образом: 1) контакты, сложившиеся в отправляющем обществе, состоят главным образом из родственников и соседей; 2) контакты, связывающие мигрантов с киргизами в целом и принимающим обществом. Эти два компонента существенно различаются с точки зрения хозяйственной активности, отношения к этничности, планов на будущее и других важных характеристик интеграции в общество. Более уверенное владение русским языком и активное восприятие культуры российского мегаполиса в разных сферах укрепляют отношения с принимающим обществом и, постепенно размывая локальные практики солидарности, переориентируют с возвращения на родину на укоренение в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, транснациональное пространство, киргизы, социальные связи, Челябинск

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Авдашкин А. А. Киргизы на Южном Урале: между локальными группами и принимающим сообществом. *Этнография*. 2021. 4 (14): 232–248. doi 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-232-248

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007. The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20-49-740007.

A. Avdashkin

South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8169-2755
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

The Kyrgyz in the Southern Urals: Between Local Groups and the Host Community

ABSTRACT. Migration from the Central Asia forms transboundary and local migrant communities that are noticeable for the receiving side. Despite the fact that in Russia the main area of concentration of Kyrgyz migrants has taken shape in Moscow, there are also many Kyrgyz communities in the Urals and Siberia. However, there is still little data on them. Using the example of the Southern Urals, the author examines the time and circumstances of the migration of the Kyrgyz, the main spheres of their employment, and their participation in internal Russian and cross-border migrations. The source database consists of interview materials, participant observation, and statistical data on international migration and ethnic composition of the population. The research toolkit includes transnationalism to see how the local community is embedded in the cross-border mobility networks linking the vast spaces involved in the Central Asian migration. Several examples of migrant biographies demonstrate the peculiarities of moving to the South Urals from Kyrgyzstan. The study has showed that the social ties of the Kyrgyz in Chelyabinsk are structured as follows: (1) contacts established in the sending society, consisting mainly of relatives and neighbors; and (2) contacts linking migrants with the Kyrgyz in general and the host society. These two components differ significantly in terms of economic activity, attitudes towards ethnicity, plans for the future, and other important characteristics of integration into the society. A more confident command of the Russian language and active apprehension of the culture of the Russian metropolis in various spheres strengthens the migrants' relations with the host society, and gradually, eroding local practices of solidarity, reorients them from returning to their homeland to rooting in the host society.

KEY WORDS: migration, transnational space, Kyrgyz, social ties, Chelyabinsk

FOR CITATION: Avdashkin A. The Kyrgyz in the Southern Urals: Between Local Groups and the Host Community. *Etnografia*. 2021. 4 (14): 232–248. doi 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-232-248 (In Russ.).

В 2018–2020 гг. на территории России ежегодно находилось от 650 до 700 тыс. граждан Киргизии. В регионах России действуют порядка ста киргизских диаспоральных организаций. Эти сообщества неравномерно распределены по стране, можно говорить об этнической спецификации регионов в плане приема тех или иных групп мигрантов. Помимо Москвы и Московской области как крупнейших центров притяжения рабочей силы, к районам концентрации мигрантов из Киргизии относятся также Санкт-Петербург, Оренбургская и Саратовская области, некоторые регионы Сибири (Власти Киргизии...; В каких городах и областях России...; Варшавер и др. 2020; Varshaver, Rocheva 2021). Несмотря на то что киргизы в структуре среднеазиатской миграции на Южный Урал относительно малочисленны, в регионе складывается организованное и заметное объединение представителей этой этнической группы.

Цель статьи — рассмотреть формирование и развитие сообщества киргизских мигрантов в последние два десятилетия, когда наметился динамичный приток киргизов в регион. В период 2002–2010 гг. их численность возросла с 604 до 1 410 человек. После этого «пиковых» количественных значений миграция из Киргизии в Челябинскую область достигала дважды: в 2011 и 2019 гг. (Переписи населения...; Международная миграция...). Анализ сообщества киргизских мигрантов позволит, в свою очередь, реконструировать количественные и качественные параметры трансграничных перемещений из Киргизии: время и обстоятельства прибытия, сферы занятости, участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях.

Среднеазиатской миграции в Россию посвящен обширный корпус работ (Абашин 2015; Степанов 2019; Malakhov 2019). Память об «общем пространстве», сохраняющаяся еще с советского времени (в том числе об общем языковом пространстве), способствовала тому, что большинство киргизских мигрантов устремились из сельской местности (см.: Kostyukova 1994; Flynn, Kosmarskaya 2014) сначала в крупные города на родине, а потом на заработки в Россию (Laruelle 2007; Reeves 2011; Schröder, Stephan-Emmrich 2014). Все более пристальное внимание исследователей вызывают инфраструктура, создаваемая киргизскими мигрантами в городском пространстве. Это медицинские центры и детские учреждения, кафе, ночные и спортивные клубы (Kashnitsky, Demintseva 2018; Demintseva 2020a; Varshaver, Rocheva 2021). Тщательному анализу подвергаются повседневные социальные практики мигрантов, осуществляемые как на родине, так и в стране пребывания. Это множественное планирование будущего «здесь» и «там», влияние денежных переводов на домохозяйства на родине, положение киргизских мигрантов в иерархии по сравнению с другими сообществами и др. (Джанызакова 2019; Reeves 2012; Gerber, Zavisca 2020; Wang et al. 2021).

После распада СССР Киргизия, став важным транзитным пунктом на пути продвижения китайских товаров, интегрировалась в транснациональные коммерческие сети, простиравшиеся между Дубаем, Гуанчжоу, Стамбулом, Москвой и Урумчи. Киргизы быстро освоили торгово-предпринимательские ниши, что сказывалось на их распределении по территории России, стратегиях кооперации между собой, а также с другими группами. Превращение этнических рынков в уникальные глобализированные пространства и торговля являлись важнейшим механизмом выживания населения, в особенности учитывая ограниченность других возможностей после распада Советского Союза (Schröder, Stephan-Emmrich 2014; Кагар 2017; Schröder 2020). Так, в большинстве городов Сибири и Дальнего Востока появились киргизские торговые ряды и рынки (Этнические рынки в России... 2015: 33). Анализ работ по исследуемой проблеме указывает на определенные лакуны — «территориальные» и содержательные. Большинство исследований проводилось на материалах столицы или сибирских городов, в то время как на Урале такие изыскания не предпринимались.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковую базу составили материалы переписи населения, статистические сведения о международной миграции в Челябинскую область в 2000–2020 гг. Ценным источником являются также материалы включенного наблюдения и глубинные интервью с киргизскими мигрантами, собранные в Челябинске в 2016 и в период 2019–2021 гг. На начальном этапе осуществлено 120 часов включенного наблюдения, собрано 37 интервью. Выборка объектов для наблюдения и установления контактов с информантами включала кафе, парикмахерские, точки по продаже одежды на рынках Китайский и «Восточный город», объекты жилой застройки и школы, городские больницы, где мигрантки работают сиделками, а также общественный транспорт. Основная часть задействованных в исследовании информантов приехала из южных районов Киргизии. Подавляющее большинство интервьюируемых представляли Кара-Кульджинский, Узгенский и Кара-Сууский районы Ошской области (29 человек). Остальные (8 человек) прибыли из Баткенской области. Среди информантов преобладают мужчины: всего опрошено 6 женщин и 31 мужчина. По сведениям информантов, в рассматриваемом регионе практически не встречаются выходцы из других областей Киргизии.

После обработки исходных данных отобраны наиболее интересные случаи, которые легли в основу статьи и позволяют рассмотреть связи киргизских мигрантов. Запись бесед на диктофон не производилась, автор

делал заметки в дневнике наблюдений. Затем интервью были закодированы, имена информантов по их просьбе изменены. Объем настоящей статьи не позволяет полностью воспроизвести все записанные сюжеты, поэтому в основу исследования положено описание нескольких случаев мигрантских биографий. Такой подход дает возможность рассматривать пребывание мигрантов в более широком контексте, учитывающем их прошлый жизненный опыт, приобретение новых социальных контактов, субъективные взгляды, интерпретации и т. д. (см.: Schröder, Stephan-Emmrich 2014; Джанызакова 2019, 2021).

В качестве кейсов для статьи были отобраны биографии: 1) Бахтияра (46 лет, приехал из Ошской области в 2007 г., в период исследования работал в Челябинске электриком, во время проживания в России часто менял сферы деятельности и переезжал из города в город в поисках более высокой заработной платы); 2) Марата (47 лет, приехал из Баткенской области в Оренбург в 1997 г., с 2010 г. живет в Челябинске, занимается розничной торговлей на Китайском рынке); 3) Гульнары (39 лет, сиделка, приехала из Ошской области в Челябинск в 2011 г., имеет медицинское образование).

Оптика транснационализма показывает нам, как периодические перемещения мигранта между отправляющим и принимающим обществами формируют динамичное транснациональное пространство (Shiller et al. 1992; Faist 2010). Переключаясь в случае необходимости из одного регистра в другой, его акторы пребывают в раздвоенном состоянии между Средней Азией и местом работы, проживания. Приспосабливаясь к необходимости преодолевать большие расстояния, пользоваться новыми средствами коммуникации, организовывать периодическое движение туда-обратно и менять в соответствии с этим свои статусы, мигранты формируют социальные связи и практики, приобретающие транснациональный характер (Абашин 2012; 2015). С развитием технологий, появлением смартфонов, различных приложений для общения и иных средств коммуникации интенсивность контактов многократно возросла. Родина, родственники, друзья и земляки стали круглосуточно доступны для связи онлайн (Ruget, Usmanalieva 2019).

Внимание к повседневным связям и контактам мигрантов побуждает обратиться к локальности, имеющей территориальное и отчасти совпадающее с ним социальное измерение, как основному объекту изучения. Среднеазиатская миграция характеризуется существенными различиями от региона к региону, от города к городу. Это зависит от интенсивности и траекторий перемещения, структуры местной экономики и наличия в ней ниш для мигрантов, характера взаимодействия с принимающим обществом и т. д. (Абашин 2012; Schiller, Çalar 2009; Rächle, Schmitz 2018).

Связи киргизов в Челябинске сложились в двух плоскостях: 1) сформировавшиеся в отпавляющем обществе и состоящие в основном из цепочек родственников и соседей (то есть прочные связи с «локальной родиной») и 2) контакты, связывающие мигрантов с киргизами в целом и принимающим обществом. Эти два компонента заметно различаются с точки зрения хозяйственной активности, отношения к этничности, планов на будущее и других важных характеристик интеграции в общество. Участники первой группы замкнуты, среди них наблюдается высокая ротация, поэтому наше внимание фокусируется на второй.

УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИРОССИЙСКИХ МИГРАЦИЯХ

Материалы переписи населения показывают, что киргизы на Южном Урале, в отличие от таджиков или узбеков, довольно малочисленны (см. табл. 1). Заметно отличается в сравнении с другими среднеазиатскими этническими группами динамика их прироста, наметившегося не в первое постсоветское десятилетие, а в 2000-е годы.

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АЗИАТСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1939–2010 гг. (Переписи населения...)

Этнические группы	1939 годы	1959 годы	1970 годы	1979 годы	1989 годы	2002 годы	2010 годы
Узбеки	236	1807	1261	1536	3475	3057	6446
Таджики	30	–	396	697	870	5125	7375
Киргизы	1226	231	198	394	931	604	1410
Корейцы	291	449	404	412	463	959	905
Китайцы	72	–	60	58	55	192	171
Казахи	28 731	22 813	27 559	28 224	33 230	36 219	35 297

Всероссийская перепись населения выявила в регионе 1410 киргизов. Подавляющее их большинство (96%) владели русским языком. В связи с малочисленностью данной группы в общей структуре населения не все интересующие нас данные опубликованы. Мы располагаем сведениями о количестве граждан Киргизской Республики (940 чел.) и их демографическом профиле. В основном это люди не старше 30 лет. При этом стоит отметить, что некоторые из них могли быть этническими узбеками, прибывшими из Ошской области.

ДАННЫЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ
ИЗ КИРГИЗИИ В ЧЕЛЯБИНСКУЮ ОБЛАСТЬ В 2000–2019 гг.
(Международная миграция...)

Год	Прибыл	Выбыл	Прирост
2000	393	41	352
2001	191	29	162
2002	201	10	191
2003	123	7	116
2004	72	18	54
2005	265	8	257
2006	274	11	263
2007	557	19	538
2008	616	14	612
2009	808	34	774
2010	529	10	519
2011	1107	56	1051
2012	706	332	374
2013	514	204	310
2014	561	184	377
2015	445	223	222
2016	379	196	183
2017	339	319	20
2018	256	228	28
2019	1055	345	710

Статистика и материалы большинства интервью показывают, что наиболее крупные волны миграции связаны с периодами политической нестабильности и падением уровня жизни в Киргизии после 2005 г. Пиковые моменты приезда, а также приема родственников, знакомых или земляков в глубинных интервью совпадают с периодами миграционного прироста в 2009–2011 гг. (ПМА; см. табл. 2).

Раньше я киргизов мало замечал в городе. Лет десять назад стало больше намного. Это 2010–2011 годы. К примеру, ко мне приехали двоюродный брат с семьей, несколько его соседей тоже перебрались в Челябинск. Многие я не знал, только слышал, на каком языке говорят или носят одежду с символикой «Kyrgyzstan» (ПМА).

Отток, движение в обратном направлении было во все эти годы минимальным, так что с ростом численности сообщества происходило создание новых внутриобщинных связей и их институционализация. В 2013 г. в Челябинске создается киргизская национально-культурная автономия «Мекендештер». Эта организация ведет активную просветительскую и благотворительную деятельность. Так, весной 2020 г. при ее участии собирали продуктовые наборы для иностранных студентов и мигрантов, работающих на Китайском рынке (Общая помощь...).

Практически все вовлеченные в наше исследование киргизы оказались активными участниками внутрироссийских миграций. За последние годы они или их знакомые, родственники как минимум один раз меняли место жительства в пределах Российской Федерации или Уральского федерального округа и возвращались обратно в Челябинск. В числе городов, где жили и работали информанты, названы Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Москва, Красноярск и Новосибирск. Выбор нового места работы обычно происходил по совету родственников или земляков, обосновавшихся в регионах, где возникал более высокий и спрос на рабочую силу, работодатели были более платежеспособны, где появлялись свободные ниши для трудоустройства «своих».

Признавая важность в структуре занятости киргизских мигрантов рынков и сферы торговли вообще, отметим, что далеко не все киргизы связаны с ними. Скорее мы можем говорить об их дисперсии и мобильности на рынке труда. Причем нередко киргизские мигранты работают по специальностям, требующим высокой квалификации: экскаваторщики, монтажники теплосетей, электрики, акушерки и медицинские сестры, ветеринары. Биографии опрошенных мигрантов показывают их гибкость, готовность быстро адаптироваться и менять сферы деятельности: от торговли на рынке и вождения маршрутных такси до возвращения к прежней сфере и периодов работы по специальности.

БАХТИЯР: СЛУЧАЙ МОБИЛЬНОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Бахтияр приехал в Челябинск из Ошской области в 2007 г. в поисках работы. Основная специальность — монтаж тепло- и электросетей — оказалась не востребована в Киргизии в связи с развалом значительной части инфраструктуры. Приехав в Челябинск, по рекомендации земляка Бахтияр устроился на работу по специальности и занимался модернизацией

теплосетей в Челябинске, а уже в 2011 г. перевез семью. По его словам, после отставки губернатора М. В. Юревича «работы почти не стало» (ПМА). По этой причине Бахтияр уезжал на заработки в Ростов-на-Дону к брату: работал там экскаваторщиком, электриком и монтировал тепло-сети. Характеризуя сферы занятости киргизов в Челябинске, он отметил:

Не согласен, что все работают на рынке. Скорее у каждого есть родственник, который там торгует, а остальные члены семьи работают в других сферах. Если говорить о моих ближайших знакомых, это общественное питание, такси, маршрутки, автомеханики, торговля тоже, но в крупных сетях, а не сами по себе (ПМА).

В Челябинске информант проживает в одном из кварталов Металлургического района, который можно назвать местом концентрации мигрантов, поскольку поблизости расположен Китайский рынок. В Ростове он тоже жил в похожем месте, в районе рынка «Темерник», поскольку его брат торговал на рынке и помог найти недорогое жилье поблизости. Киргизы, как и другие мигрантские группы, не образуют крупных районов концентрации. Скорее речь идет о небольших, заметных для принимающей стороны районах, где под воздействием так называемого рыночного паттерна количество мигрантов несколько больше, чем в других частях города (Варшавер и др. 2020). В случае Челябинска в таких местах селятся преимущественно таджики. Основная задача Бахтияра на ближайшие годы — накопить денег, которых было бы достаточно, чтобы покинуть жилье эконом-класса в районе ЧМЗ, поскольку Металлургический район не входит в число престижных, соседствует с промышленными предприятиями. В идеале — уехать в другой крупный российский город (Ростов, Тюмень, Екатеринбург, Москва).

Дети Бахтияра учатся в школе, где уже довольно много детей-инофонов. Родители из мигрантских семей, обладающих более высоким статусом, предпочитают не отдавать своих детей в такие «проблемные» школы или переводят их в более престижные учебные заведения (Demintseva 2020b). Так часто происходит и в наблюдаемых нами школах, где учатся немало детей киргизских мигрантов. Однако близость к месту работы, наличие сложившихся отношений с педагогами и одноклассниками сыграли в данном случае против перевода в другую школу. Как показали материалы интервью, вообще коллективы среднеазиатских детей-мигрантов довольно устойчивы.

МАРАТ: СОЗДАНИЕ СЕТИ ПОСТАВОК И РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ

Марат занимается розничной торговлей на Китайском рынке. Родственники Марата в позднесоветский период имели опыт поставок

товаров из южных республик на российский рынок (Sahadeo 2011). Несмотря на распространенное в Союзе общественное порицание профессии торговца, Марат в детстве сделал выбор в ее пользу и распад СССР, когда появились возможности реализации предпринимательских амбиций, воспринял позитивно. Сначала друзья позвали его торговать постельным бельем в Оренбурге. Наш информант в 1990-е регулярно курсировал между Киргизией и Оренбуржем, доставляя своим партнерам по бизнесу товары для реализации на рынках и в торговых точках Оренбурга и Орска.

Одной из основных задач Марата было создание сети, охватывающей торговцев и посредников не только в российских городах, но и в Киргизии (например, рынок «Дордой» в пригороде Бишкека) и Китае. Некоторые дети и младшие братья партнеров Марата осваивали китайский язык, чтобы работать в качестве посредников, переводчиков между китайскими производителями и приезжими бизнесменами (в основном российскими). По мере расширения сети партнеров, посредников и поставщиков Марат все чаще посещал Челябинск и Екатеринбург. В итоге он принял решение перебраться в южноуральскую столицу, где вместе с одним из земляков занялся торговлей на Китайском рынке. Марат продолжительное время прожил со своей семьей в доме, расположенном недалеко от рынка. Несколько лет назад семья приобрела квартиру в новом районе города (и тоже в районе с жильем эконом-класса). Съемную квартиру на улице Комаровского занял другой работник рынка, земляк из Киргизии, рекомендованный хозяину Маратом.

Несмотря на стереотип о преобладании киргизов в сфере торговли, на деле не более 5% мигрантов-киргизов заняты в этой области (см.: Schröder, Stephan-Emmrich 2014). Сценарий Марата действительно довольно редок, даже среди его партнеров на рынке и в других городах преобладают таджики, китайцы, немало русских. Бизнес-сети Марата складываются не на основании общей этничности. В их основе лежат принципы, описанные О. Бредниковой и О. Паченковым: простота установления контактов, доверие и общее пространство (Brednikova, Pachenkov 2002; Джанызакова 2021).

ГУЛЬНАРА: К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ МИГРАЦИИ

На момент проведения исследования Гульнара работала сиделкой и ухаживала за людьми, проходившими восстановление после инсульта в больнице скорой помощи в Челябинске. Это одна из наиболее распространенных сфер занятости для женщин-мигранток (Полетаев 2018). Гульнара имеет широкий круг контактов как с принимающей средой, так и с выходцами из других районов Киргизии. Она часто чередует

места работы, то работая в больнице, то ухаживая за пожилыми людьми в семьях. По ее признанию, этот вид заработка — один из наиболее высокооплачиваемых среди возможных для женщин-мигранток (Карачурина 2015: 100).

В Киргизии Гульнара работала медицинской сестрой, но в России работа по специальности потребовала подтверждения квалификации и т. д. Значительно проще и выгоднее оказалось устроиться сиделкой. Одна из немногих, она честно призналась, что приезд в Россию вызван политической и социальной нестабильностью после событий 2010 г. Гульнара приехала с дочерью к мужу, который обосновался в Челябинске за несколько лет до этого. Несмотря на патриархальность общества в Средней Азии, где роль женщины сводится к работе по дому и уходу за детьми, Гульнара отмечает постепенно меняющийся состав мигрантов, его «феминизацию». По разным оценкам, до 40% в общем миграционном потоке из Киргизии составляют женщины (Rocheva, Varshaver 2017).

Медицинское образование значительно укрепляет репутацию мигранта в своей среде. Многие мигранты (даже не киргизы) предпочитают обращаться за медицинской помощью или консультацией к Гульнаре, поскольку не имеют документов или денег на прием и лечение, испытывают языковой барьер или «не доверяют» врачам (особенно часто женщины). Женщины нередко опасаются дискриминирующих ситуаций в очереди в поликлинике из-за внешности, особенностей одежды (платка, который обычно носят на голове) или неуверенного владения русским языком. В этом смысле социальная поддержка, в том числе в женском кругу, играет важную роль в решении многих медицинских проблем (King et al. 2020). Вот один из примеров.

У моей знакомой дочь 17 лет, стесняется пойти к врачу иногда, потому что там врачом может оказаться мужчина. В некритических случаях приходит ко мне за советом и помощью (ПМА).

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше биографии не отражают многообразие связей, созданных киргизскими мигрантами, но позволяют понять их значимые черты: время прибытия в Челябинск (между 2007 и 2011 гг.), специфические профессиональные ниши для мужчин и женщин, участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях, особенности расселения в пространстве. Некоторая часть наших информантов (в основном те, чьи связи с родным городом или деревней прочны) рассматривает варианты возвращения на родину (Brednikova 2017; Abashin 2019). Они часто приезжают на временные заработки, чередуя крупные российские города в своих перемещениях. Новые поколения, выросшие в независимой Киргизии,

намного хуже знают русский язык и в большей степени укоренены на родине, а российское гражданство необходимо им для менее бюрократизированного оформления на работу в России.

Обрастание связями и контактами вне небольших землячеств и локальных групп способствует интеграции в принимающую среду, по выражению наших респондентов, такие связи удерживают сильнее, а сценарии возвратных миграций рассматриваются при их наличии реже, меняется отношение к традиции. Так, женщины в подобных семьях чаще пользуются косметикой, прибегают к разного рода косметическим процедурам (наращивание ресниц и пр.), меняют прически (и цвет волос). Контроль (включая проверку переписки и звонков в смартфонах) со стороны братьев и отцов не настолько тотален, круг общения обычно полиэтничен.

Отсюда различие в траекториях родителей и детей в транснациональном пространстве. Ориентированные на возвращение мигранты придерживаются консервативных взглядов и предпочитают, чтобы их дети воспитывались в Киргизии, а не в России. Мигранты с ослабленными связями на родине предпочитают постепенно перевозить детей в Челябинск. Это неизбежно заставляет больше вовлекаться в принимающее общество через систему школьного образования и детские сады (взаимодействие с другими родителями и педагогами лично или через чаты, участие в организации мероприятий и др.). Более уверенное владение русским языком, восприятие культуры российского мегаполиса в разных сферах укрепляет их связи с принимающим обществом.

Проведенное исследование оставляет еще ряд вопросов, переводящих рассмотрение социальных практик мигрантов в плоскость киберэтнографии. Уже есть интересные публикации о том, как мигранты второго поколения завязывают романтические отношения в режиме онлайн (Varshaver et al. 2021). На следующих этапах исследования необходимо понять, в чем заключается роль интерактивных коммуникаций в повседневной жизни обоих рассмотренных сообществ киргизских мигрантов. Каким образом девушки и юноши из киргизских семей используют свободу общения в социальных сетях? Происходит ли маркировка аккаунтов символами этничности, и если да, то как именно?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Власти Киргизии назвали количество мигрантов в России // Интерфакс. 14.09.2018. URL: www.interfax.ru/russia/629250 (дата обращения: 10.03.2021).

В каких городах и областях России находится больше всего кыргызстанцев // Кабар. 07.02.2018. URL: <http://kabar.kg/news/v-kakikh-gorodakh-i-oblastiakh-rossii-nakhoditsia-bol-she-vsego-kyrgyzstantcev/> (дата обращения: 10.03.2021).

Международная миграция в Челябинской области в динамике 2000–2019 гг. // Челябинскстат. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения: 10.03.2021).

Общая помощь в период пандемии // Мекендештер. 10.05.2020. URL: <http://kyrgyz-koom74.ru/news/obshchaya-pomoshch-v-period-pandemii> (дата обращения: 10.03.2021).

Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 10.03.2021).

Полевые материалы автора (ПМА), 2016, 2019–2021 гг.

Абашии С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 125–165.

Абашии С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.

Варишвер Е. А., Рочева А. Л., Иванов Н. С., Ермакова М. А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // *Социологическое обозрение*. 2020. № 2 (19). С. 225–253.

Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // *Сибирские исторические исследования*. 2019. № 3. С. 72–86.

Джанызакова С. Д. «Предпочитаю работать на себя»: предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2021. № 1. С. 157–195.

Карачурина Л. Б. Женщины-мигрантки в нише домашнего труда в России // *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 93–101.

Поletaев Д. В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // *Народонаселение*. Т. 21. № 4. 2018. С. 69–78.

Степанов А. М. Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность // *Мониторинг общественного мнения*. 2019. № 2. С. 304–317.

Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / Науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.

Abashin S. N. Returning Home and Circular Mobility: How Crises Change the Anthropological View of Migration // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2019. Vol. 58. № 3. P. 155–168.

Brednikova E. O. (Non-)Return: Can Migrants Become Former Migrants? // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2017. Vol. 56. № 3–4. P. 298–320.

Brednikova O., Pachenkov O. Ethnicity of the “Ethnic Economics” and Social Networks of Migrants // *Journal of Economic Sociology*. 2002. Vol. 3. № 2. P. 74–81.

Demintseva E. Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: ‘Kyrgyz Clubs’ for Migrant Children in Moscow // *Central Asian Survey*. 2020a. Vol. 39. № 2. P. 220–235.

Demintseva E. “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries Around and Inside School Space // *Race Ethnicity and Education*. 2020b. Vol. 23. № 4. P. 598–612.

Faist T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. № 10. P. 1665–1687.

Flynn M., Kosmarskaya N. Constructing the “Rural Other” in Post-Soviet Bishkek: “Host” and “Migrant” Perspectives // *Language and Intercultural Communication*. 2014. Vol. 14. № 3. P. 352–368.

Gerber T. P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Vol. 36. № 1. P. 61–82.

Karrar H. Kyrgyzstan's Dordoi and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets // *Globalizations*. 2017. Vol. 14. № 4. P. 643–657.

Kashnitsky D., Demintseva E. “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology*. 2018. Vol. 37. № 5. P. 401–411.

King E. J., Dudina V. I., Dubrovskaya S. “You feel sick, you get sick, you still keep going”: Central Asian Female Labour Migrants' Health in Russia // *Global Public Health*. 2020. Vol. 15. № 4. P. 544–557.

Kostyukova I. The Towns of Kyrgyzstan Change Their Faces: Rural-Urban Migrants in Bishkek // *Central Asian Survey*. 1994. Vol. 13. № 3. P. 425–434.

Laruelle M. Central Asian Labor Migrants in Russia: The “Diasporization” of the Central Asian States? // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2007. Vol. 5. № 3. P. 101–119.

Malakhov V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47. № 2. P. 310–324.

Räuchle Ch., Schmitz A. Migrant Economies: Opportunity Structures and Potential in Different City Types // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 10 (42). P. 1766–1787.

Reeves M. Black Work, Green Money: Remittances, Ritual, and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan // *Slavic Review*. 2012. Vol. 71. № 1. P. 108–134.

Reeves M. Staying Put? Towards a Relational Politics of Mobility at a Time of Migration // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. № 3–4. P. 555–576.

Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // *Asia-Pacific Population*. 2017. Vol. 35. № 2. P. 87–135.

Ruget V., Usmanalieva B. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. № 2. P. 165–180.

Sahadeo J. The Accidental Traders: Marginalization and Opportunity from the Southern Republics to Late Soviet Moscow // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. № 3–4. P. 521–540.

Shiller N. G., Basch L., Szanson-Blanc C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Annals of New York Academy of Science*. 1992. Vol. 645. P. 1–24.

Schiller N. G., Çalar A. Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. Vol. 35. № 2. P. 177–202.

Schröder P. Business 2.0: Kyrgyz middlemen in Guangzhou // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39. № 1. P. 116–134.

Schröder P., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods // *Mobilities*. 2014. Vol. 11. № 3. P. 422–443.

Varshaver E., Rocheva A. “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants' “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? // *Journal of International Migration and Integration*. 2021. Vol. 22. P. 347–368.

Wang D., Hagedorn A., Chi G. Remittances and Household Spending Strategies: Evidence from the Life in Kyrgyzstan Study, 2011–2013 // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. Vol. 47. № 13. P. 3015–3036.

REFERENCES

- Abashin S. N. [Central Asian Migration: Practices, Loyal Communities, Transnationalism]. *Этнографическое обозрение* [Ethnographic Review], 2012, no. 4, pp. 3–13. (In Russian).
- Abashin S. N. [Returning home: family and migration scenarios in Uzbekistan]. *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165. (In Russian).
- Abashin S. N. Returning Home and Circular Mobility: How Crises Change the Anthropological View of Migration. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2019, no. 3 (58), pp. 155–168. (In English).
- Brednikova E. O. (Non-)Return: Can Migrants Become Former Migrants? *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2017, no. 3–4 (56), pp. 298–320. (In English).
- Brednikova O., Pachenkov O. Ethnicity of the “ethnic economics” and social networks of migrants. *Journal of Economic Sociology*, 2002, no. 2, pp. 74–81. (In English).
- Demintseva E. Educational infrastructure created in conditions of social exclusion: ‘Kyrgyz clubs’ for migrant children in Moscow. *Central Asian Survey*, 2020a, no. 2 (39), pp. 220–235. (In English).
- Demintseva E. “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries Around and Inside School Space. *Race Ethnicity and Education*, 2020b, no. 4 (23), pp. 598–612. (In English).
- Dzhanyzakova S. D. [“Here and There” in the Migrant Stories of Natives of Kyrgyzstan in Russia (the Case of Tomsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2019, no. 3, pp. 72–86. (In Russian).
- Dzhanyzakova S. D. [I prefer to work for myself”: entrepreneurship of migrants from Central Asia in a Siberian city (on the example of Tomsk)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2021, no. 1, pp. 157–195. (In Russian).
- Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU Publ., 2015. (In Russian).
- Faist T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2010, no. 10 (36), pp. 1665–1687. (In English).
- Flynn M., Kosmarskaya N. Constructing the “rural other” in post-soviet Bishkek: “host” and “migrant” perspectives. *Language and Intercultural Communication*, 2014, no. 3 (14), pp. 352–368. (In English).
- Gerber T. P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian labor migrants: ethnic hierarchies, geopolitical remittances, and the relevance of migration theory. *Post-Soviet Affairs*, 2020, no. 1 (36), pp. 61–82. (In English).
- Karachurina L. B. [Women-migrants in the niche of domestic work in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies], 2015, no. 5, pp. 93–101. (In Russian).
- Karrar H. Kyrgyzstan’s Dordoi and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets. *Globalizations*, 2017, no. 4 (14), pp. 643–657. (In English).
- Kashnitsky D., Demintseva E. “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology*, 2018, no. 5 (37), pp. 401–411. (In English).

King E. J., Dudina V. I., Dubrovskaya S. “You feel sick, you get sick, you still keep going”: Central Asian female labour migrants’ health in Russia. *Global Public Health*, 2020, no. 4 (15), pp. 544–557. (In English).

Kostyukova I. The towns of Kyrgyzstan change their faces: Rural-urban migrants in Bishkek. *Central Asian Survey*, 1994, no. 3 (13), pp. 425–434. (In English).

Laruelle M. Central Asian Labor Migrants in Russia: The “Diasporization” of the Central Asian States? *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, no. 3 (5), pp. 101–119. (In English).

Malakhov V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers*, 2019, no. 2 (47), pp. 310–324. (In English).

Poletaev D. V. [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2018, no. 4, pp. 69–78. (In Russian).

Räuchle Ch., Schmitz A. Migrant Economies: Opportunity Structures and Potential in Different City Types. *Ethnic and Racial Studies*, 2019, no. 10 (42), pp. 1766–1787. (In English).

Reeves M. Black Work, Green Money: Remittances, Ritual, and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan. *Slavic Review*, 2012, no. 1 (71), pp. 108–134. (In English).

Reeves M. Staying Put? Towards a Relational Politics of Mobility at a Time of Migration. *Central Asian Survey*, 2011, no. 3–4 (30), pp. 555–576. (In English).

Rocheva A., Varshaver E. Gender dimension of migration from Central Asia to the Russian Federation. *Asia-Pacific Population*, 2017, no. 2 (35), pp. 87–135. (In English).

Ruget V., Usmanalieva B. Can smartphones empower labour migrants? The case of Kyrgyzstani migrants in Russia. *Central Asian Survey*, 2019, no. 2 (38), pp. 165–180. (In English).

Sahadeo J. The Accidental Traders: Marginalization and Opportunity from the Southern Republics to Late Soviet Moscow. *Central Asian Survey*, 2011, no. 3–4 (30), pp. 521–540. (In English).

Schiller N.G., Çalar A. Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, no. 2 (35), pp. 177–202. (In English).

Shiller N.G., Basch L., Szanson-Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration. *Annals of New York Academy of Science*, 1992, Vol. 645, pp. 1–24. (In English).

Schröder P. Business 2.0: Kyrgyz middlemen in Guangzhou. *Central Asian Survey*, 2020, no. 1 (39), pp. 116–134. (In English).

Schröder P., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods. *Mobilities*, 2014, no. 3 (11), pp. 422–443. (In English).

Stepanov A. M. [Moving from Tajikistan to Russia: myths and reality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia* [Monitoring of public opinion], 2019, no. 2, pp. 304–317. (In Russian).

Varshaver E., Rocheva A. “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? *Journal of International Migration and Integration*, 2021, no. 22, pp. 347–368. (In English).

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanov N. S., Ermakova M. A. [Areas of Resident Concentration of Migrants in Russian Cities: Is there a Pattern?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2020, no. 2 (19), pp. 225–253. (In Russian).

Wang D., Hagedorn A., Chi G. Remittances and household spending strategies: evidence from the Life in Kyrgyzstan Study, 2011–2013. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021, no. 13 (47), pp. 3015–3036. (In English).

Submitted: 11.03.2021

Accepted: 21.06.2021

Published: 15.12.2021